

Блогер Олег Желябин-Нежинский, который сделал шокирующее фото убитых во время артиллерийского обстрела матери и ребенка, рассказал о своей поездке в Горловку.

Он зашел на сайт СНБО, распечатал карту боевых действий на Донбассе, выбрал ближайший к Киеву город в зоне огня - Горловку - и купил билет на поезд.

Если сжать его четырехдневное пребывание в городе до одного кадра, то это, несомненно, будет шокирующая фотография убитой снарядом молодой женщины, в предсмертном усилии прижавшей к себе тело ребенка. Снимок, который молниеносно разошелся по соцсетям, дал повод многим интернет-пользователям обвинять в жестокости противоположную их убеждениям сторону конфликта.

Но сам автор снимка, журналист-фрилансер Олег Желябин-Нежинский, рассказал [ВВ С Украина](#), что цель его поездки была совсем другой.

Задержание

"Когда это все началось - Майдан и события до Майдана - честно скажу, я не поддерживал какую-то сторону в этом конфликте. Я понимаю, что нет абсолютно правой стороны. Но это лично мое мнение.

После Майдана все пошли на войну. Я такой человек, что не могу сидеть дома, когда такое происходит. Воевать с оружием за цели, которые не стоят этих жертв, я не готов и не хочу. Тем не менее, совесть не позволяет мне сидеть дома и забыть об этом.

И я для себя решил: просто беру туристический рюкзак, кладу туда фотоаппарат, штатив, сажусь в поезд и еду в первую же попавшуюся (точку на карте - ред.), где сейчас проходят бои.

Честно говоря, никому не советую так поступать. Это очень опасно.

Сошел в Горловке на вокзале, с огромным зеленым рюкзаком, похожим на военный. Смотрю: идут ребята в камуфляже, с автоматами, без опознавательных знаков. Сначала я не понял, кто они.

Откровенно говоря, когда я туда ехал, то не был до конца уверен, кто там на данный момент: ополченцы, Нацгвардия или кто-то еще. Для меня это было непринципиальным, так как я приехал честно показать, что там происходит.

И я сам подхожу к этому парню в камуфляже и спрашиваю, где тут что происходит. А он смотрит на меня широко открытыми глазами и говорит:

- Вы кто вообще? - Журналист из Киева. - Ага. Сюда!

Так меня и приняли.

Оказалось, это ополченцы, которые на тот момент полностью контролировали город.

На меня надели наручники, полностью обыскали. Забрали телефон, документы, все, что было. Пересмотрели в телефоне контакты, эсэмэски. Не то, чтобы я их обвиняю. Наверно, это обычная практика.

То, что ты из Киева, для них это как красная тряпка перед быком. Я, как мог, пытался объяснить, что не приехал поливать их грязью. У меня нет такой цели.

Они меня, наверное, приняли за шпиона. Спрашивали, зачем приехал, что это у меня за карта. "Может, будешь огневые точки там отмечать?" Как я потом понял, этот отряд не принимал никаких решений. С ними бесполезно было решать какие-то вопросы.

Это был самый страшный момент во всей поездке. Тебя никто не знает. Тебя застрелят, вывезут в поле и бросят. И все будут думать, что это - "вояка", очередная жертва.

Били ли меня? Честно говоря, два раза ударили рукой в голову. Но не сильно, это не было избиение. Им показалось, что я смотрю не туда, куда надо. В наручниках посадили в каталажку. Там я просидел сначала часов восемь. Не пил, не ел с самого утра. Потом меня забрали в штаб. Там я еще пробыл часа два, пока ждал, кто мной займется.

Пришел человек, который занимается безопасностью. У них это называется НКВД.

Я так понял, он - "зам" Безлера (Игоря Безлера - ред.). По отношению, по тому как он общается, было видно, что он один из самых главных.

Наверно, это обычная ситуация для армии - чем ниже человек по рангу, тем меньше он во что-то вникает. Скажу честно, они там очень жесткие ребята. Имею в виду их отношение. Например, тон, в котором с тобой общаются. Тебе не дают слова сказать. "Заткнись, я сказал!". Ты пытаешься что-то объяснить - тебя могут ударить. "Молчать! Смотреть в стену!". Ты - просто кусок тела, которое нужно допросить.

А этот человек оказался на удивление нормальным и адекватным. Мы с ним разговаривали около часа. Я показал ему свои публикации в интернете и пояснил, что я не стараюсь очернить ни одну, ни вторую сторону. Я пишу то, что вижу.

В итоге он сказал про меня: "Это нормальный человек. Прими извинения, что с тобой так обошлись".

Потом этот человек сказал своему заму: "Собери его вещи и отвези его в гостиницу".

Отдали мне не все. Не было часов, не было почти всех денег, пропало удостоверение журналиста, наушники, но я уже даже не заикался.

Я приехал в гостиницу, заплатил за нее последние деньги и осталось гривен 100 на продукты. Позвонил родителям. Мама сходила с ума.

На следующий день у меня было ощущение "або пан, або пропав". Раз не расстреляли, то дайте поработать.

В тот день мне вернули смартфон, а деньги так и не вернули. Но, надо отдать должное - заехали и заплатили за гостиницу еще за день".

Запах пороха

"Насколько было опасных и неприятных моментов, настолько было и свидетельств человечности и доброты.

Когда выселялся из гостиницы, ко мне подошла заведующая и сказала: "Сколько надо, столько живи". Я ей очень благодарен.

Человек, которого через своих десятых знакомых нашли мои родители, который вообще меня не знал, рискуя жизнью, приехал из ближайшего села, привез мне деньги на еду и на обратную дорогу.

Некоторые люди просто подходят к тебе и говорят: "Если начнется бомбардировка, там в церкви, в подвале бомбоубежище".

Ни разу не прятался в бомбоубежище. Не то, чтобы это бахвальство, но я хотел это все снимать.

Днем я вышел в магазин купить воды, и началась бомбардировка.

Я оказался под бомбардировкой в первый раз. Очень сложно передать эти чувства. Начинает сильно болеть голова. Гудящий гул, запах пороха, дым.

У меня уже тысячу раз спросили, а кто стрелял? Я не знаю, кто стрелял. Как это определить? На ракете не написано.

Когда бомбардировка прошла, я быстро начал бегать и снимать все места, где было слышно, что что-то упало. При том у меня с собой даже фотоаппарата не было, потому что он остался в номере. Снимал на телефон".

Женщина с ребенком

"Что успел, то снял. Чуть ли не первое, что я увидел - вот эту погибшую женщину с ребенком. Молодая девчонка, лет 20, просто на руках несла ребенка по парку. Рядом - парень с большой дорожной сумкой. Может, они пытались выбраться из города.

("Горловский Медиа Портал" не публикует это фото из соображений редакционной политики, поскольку этот кадр является шокирующим - ред.)

Я подхожу. Лежат эти три трупа. У парня нет полголовы. Лежит человек, полностью цел, но полголовы нет.

Куда эти ракеты летели? Это был сквер Героев. Эти люди шли по дорожке в парке. Там нет военных объектов, по крайней мере, я не видел. Обычный парк.

Мне потом присылали люди имя этой девушки. Может, сейчас не вовремя, но я бы хотел извиниться перед родителями, которые, наверно, не сильно хотели, чтобы это все было снято. Но в тот момент мне хотелось, чтобы люди увидели, что на самом деле происходит в таких городах. Чтобы люди увидели, что такое война, и чтобы не настолько радовались и поддерживали то, что происходит. Что это точно так же может быть и в Киеве, и где угодно. Чтобы понимали, что такое война.

Мне было очень неприятно, когда почти все (СМИ. - ред.) украли это фото, без всяких подписей, начали вставлять его в свои сюжеты и публикации и приводить его как доводы вины чьей-то стороны. Хотя я реально не знаю, кто стрелял.

И там никто не знает, судя по разговорам людей. Ракета хоть украинская, хоть русская - она, если падает, убивает абсолютно одинаково. Конечно, не все равно, кто стрелял, но когда она падает, ты в этот момент вообще об этом не думаешь. Пытаешься просто вжаться в землю.

Тут вопрос в том, что такое вообще нельзя применять по населенным пунктам. Нужно стрелять по военным объектам.

Я представил, если тому солдату, которому отдали приказ и он стрельнул, показать эту фотографию и сказать: вот ты стрельнул и сюда попал. Я не знаю, что с ним было бы.

Мне кажется, этот снимок станет символом украинской войны, ее сутью.

Когда я шел из этого парка, где сфотографировал погибшую семью, подхожу к гостинице и вижу, идет точно такая же пара, ребенок в коляске такого же возраста, мама с папой едят мороженое. Я остановился и говорю: "Через полкилометра такие же как вы лежат разорванные просто в клочья. Вы что?! Быстро развернулись, и домой!".

"Хоть бы перестали стрелять"

"В другой раз я шел, рядом дедушка выгуливал собаку. Собака испугалась, бежит,

тянет деда домой. Вышла бабушка, наверно, его жена: "Быстрее, домой, прячемся!" Они забегают в этот дом. Я обхожу их дом по кругу, слышу позади взрывы - и в этом доме дыра. Не знаю, может, они в этой квартире и не прятались.

На улицах очень много крови. Идешь - а там след крови, кто-то полз.

Людей я старался больше слушать, чем разговаривать с ними. Общее настроение разговоров такое, что всех это все уже давно достало. Те, которых я видел, насколько я понял, осуждают действия Киева и были не против ополченцев. Люди к ним подходят, что-то спрашивают, нормально к ним относятся. Я так понял, в ополчении много местных, поэтому они друг друга знают.

Больше всего мне запомнилось, когда стоял в очереди, а там продавщица говорит подруге: "Хоть бы уже перестали просто стрелять. Кто бы это ни был, чтобы они перестали". Вот это настроение людей.

И я это понимаю. Когда ты мужчина, ты сам за себя, взял автомат и пошел, ты можешь еще бороться за идею. Но когда ты шел по улице, и разнесло твоего ребенка, ты резко перестаешь быть убежденным за войну человеком".

Страх смерти

"Выбирался оттуда маршруткой на Днепропетровск. Я еще не видел, чтобы маршрутка была так набита. Большинство пассажиров - женщины, старики и дети. Очень много сумок. Все шесть часов, которые она ехала, люди стояли в проходах, лежали на сумках. Забито было полностью. Все едут и переживают, чтобы в поле пулеметной очередью не стреляли.

Очень мало машин по дороге, практически никого.

Когда заезжали в Днепропетровск, нас остановила на блок-посту Нацгвардия. У мужчин моего возраста проверили пальцы, чтобы не натерты были от курка, и смотрели на спину и грудь, где натирает шлейка от автомата, если долго его носить. Но никто подозрений у них не вызвал.

В Днепропетровске - разительный контраст. Ты только что выехал из Горловки, в которой все, прикрывшись, перебежками бегают в магазин и аптеку. А в Днепропетровске смотришь на людей, которые вразвалочку ходят в ярких платьицах и едят мороженое. Просто попали в другой мир.

У меня нет чувства, будто мне крупно повезло, что удалось вернуться оттуда живым. Я верующий человек, и у меня свои отношения с Богом. На вокзале на 99% был уверен, что меня выведут во двор, и меня не станет. Но сильного страха перед смертью не было. Больше всего было жалко родных, когда узнают, что я не вернулся домой.

А ощущение, что повезло, не было. Было понимание, что просто так надо. Возможно, это моя миссия".

С Олегом Желябиным-Нежинским беседовал Олег Карпьяк.

"Горловский Медиа Портал"